

Л.П. Никифоров

**Ф. М. Достоевский. Задачи
русского народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л.П. Никифоров**
Ф. М. Достоевский. Задачи русского народа / Л.П. Никифоров – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 92 с.

ISBN 978-5-458-08116-0

Составлено по "Дневнику писателя" Л. П. Никифоровым.

ISBN 978-5-458-08116-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ составителя.

Ф. М. Достоевскій, какъ романистъ, какъ художникъ, извѣстенъ читающей публикѣ; но о немъ, какъ о мыслителѣ, имѣютъ самое смутное представленіе даже люди, хорошо знакомые, съ его художественными произведеніями. А между тѣмъ Ф. М., умѣвшій такъ проникать въ душу человѣка, всегда чуткій къ страданіямъ человѣческимъ, не только изображалъ ихъ, но и вдумывался въ нихъ. И вотъ результаты этихъ думъ, разбросанные по его «Дневнику», я нашелъ не лишнимъ связать по возможности въ одно цѣльное и представить вниманію читателя. Можно соглашаться или не соглашаться съ Достоевскимъ, но нельзя не признавать, что онъ зналъ русскій народъ, страдалъ вмѣстѣ съ нимъ и, наконецъ что у него былъ опредѣленный общественно-политическій идеалъ, вполне заслуживающій вниманія. Разсматривать всѣ общественно-политическія явленія всегда съ одной точки зрѣнія, стараясь или молчаніемъ, или презрительнымъ отношеніемъ затѣнить остальные, есть самый ложный, вредный путь, никогда не доводящій до истины. Кто увѣренъ въ своей правотѣ, тотъ не скроетъ и не исказитъ мнѣній своихъ противниковъ, зная, что правда выясняется главнымъ образомъ изъ противопоставленія съ ошибочностью

взглядовъ нашихъ неединомышленниковъ. Вотъ почему я считаю крайне полезнымъ возможно-рельефное изложеніе взглядовъ выдающихся нашихъ художниковъ-мыслителей ихъ собственными словами, — и начинаю съ Достоевскаго.

Если представится возможность, то въ слѣдующемъ выпускѣ я предложу читателямъ безпристрастное изложеніе взглядовъ Л. Н. Толстого.

Левъ Никифоровъ.

Вмѣсто эпіграфа.

Лучше вѣрить тому, что счастье нельзя купить злодѣйствомъ, чѣмъ чувствовать себя счастливымъ, зная, что допущено злодѣйство. (541¹.)

Я никогда не могъ понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитіе, а остальные девять должны послужить тому матеріаломъ и средствомъ, а сами оставаться во мракѣ. Я не хочу мыслить и жить иначе, какъ съ вѣрой, что всѣ наши девяносто милліоновъ русскихъ (или тамъ сколько ихъ тогда народится) будутъ всѣ когда нибудь образованны, очеловѣчены и счастливы. Я знаю и вѣрую твердо, что всеобщее просвѣщеніе никому у насъ повредить не можетъ. Вѣрую даже, что царство мысли и свѣта способно водвориться у насъ, въ нашей Россіи, еще скорѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ бы то ни было, ибо у насъ и теперь никто не захочетъ стать за идею о необходимости озвѣренія одной части людей для благосостоянія другой части, изображающей собой цивилизацію, какъ это вездѣ, во всей Европѣ. (280 стр.)

Что въ томъ благосостояніи, которое достигается цѣною неправды и сдиранія кожъ? Что правда для человѣка, какъ лица, то пусть остается правдой и для всей націи. Надо, чтобъ и въ политическихъ организаціяхъ была признаваема та же правда, та самая Христова правда, какъ и для каждаго вѣрующаго. Хоть гдѣ нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая нибудь изъ націй да должна же свѣтити. Иначе что же будетъ: все затемнится, замѣшается и потонетъ въ цинизмъ. Иначе не сдержите нравственности и отдѣльныхъ гражданъ, а въ

¹) Ссылки на V томъ Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго, изд. 1886 г.

такомъ случаѣ какъ же будетъ жить цѣлый-то организмъ народа? Надобенъ авторитетъ, надобно солнце, чтобъ освѣщало. Солнце показалось на Востокѣ, и для человѣка съ Востока начинается новый день. Когда просіяетъ солнце совсѣмъ, тогда и поймутъ, что такое настоящіе «интересы цивилизаціи». А то выставится знамя съ надписью на немъ: «Après nous le déluge» (послѣ насъ хоть потопъ). Неужели столь славная цивилизація доведетъ европейскаго человѣка до такого девиза да-тѣмъ съ нимъ и покончить? (543.)

Счастье—въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастіи? Позвольте, представьте, что вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ наконецъ миръ и покой. И вотъ представьте себѣ тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего лишь одно человѣческое существо, мало того—пусть даже не столь достойное, смѣшное уже на иной взглядъ существо, не Шекспира какогонибудь, а просто честнаго старика. И вотъ только его надо опозорить, обезчестить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика возвести ваше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи?—вотъ вопросъ. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которыхъ выстроили это зданіе, согласились бы сами принять такое счастье, если въ фундаментѣ его заложено страданіе, положимъ, хоть и ничтожнаго существа, но безжалостно и несправедливо замученнаго, и, принявъ это счастье, остаться на-вѣки счастливыми? (772.)

I.

Значеніе нравственнаго идеала въ исторіи.

Всякій великій народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ и заключается спасеніе міра; что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, приобрести ихъ всѣхъ къ себѣ во-едино и вести ихъ въ согласномъ хорѣ къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной.

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими; что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности каждую имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ, безспорно, было съ древнимъ Римомъ, такъ потомъ было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую его идею унаслѣдовала Франція, то то же случилось и съ Франціей, и, въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, Франція, вплоть до самаго недавняго погрома и унынія своего, все время и безспорно считала себя во главѣ міра, по крайней мѣрѣ нравственно, а временами и политически—предводительницей хода его и указательницей его будущаго. Но о томъ же мечтала всегда и Германія, выставившая противъ міровой католической идеи и ея авторитета знаменемъ своимъ протестантизмъ и безконечную свободу совѣсти и изслѣдованія. Повторяю, то же бываетъ и со всѣми великими націями, болѣе или менѣе въ зенитѣ развитія ихъ.

Мнѣ скажутъ, что еслибъ даже и такъ, еслибъ и было все это, какъ я утверждаю, то все-таки такое самообольщеніе и самомнѣніе было бы даже унизительно для тѣхъ народовъ, умалило бы значеніе ихъ эгоизмомъ, нелѣпымъ шовинизмомъ и не то, чтобы придало имъ жизненной силы, а напротивъ—повредило бы и растлило бы ихъ жизнь въ самомъ началѣ. Скажутъ, что подобныя безумныя и гордыя идеи достойны не подражанія, а напротивъ—искорененія свѣтомъ разума, уничтожающаго предрасудки. Положимъ, что съ одной стороны это очень правда, но все же тутъ надо непременно посмотреть и съ другой стороны, и тогда выйдетъ не только не унизительно, а даже совсѣмъ напротивъ. Что въ томъ, что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй гордыя и заносчивыя, мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, чѣмъ иное благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣрить премудрому правилу, что «счастье лучше богатства». Повѣрьте, что жизнь этого юноши, даже послѣ прожитыхъ уже бѣдствій и неудачъ, въ цѣломъ будетъ все-таки краше, чѣмъ успокоенная жизнь мудраго товарища дѣтства его, хотя бы тому всю жизнь было суждено сидѣть на бархатѣ. Такая вѣра въ себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы благоразумныя, честныя и умѣренныя, спокойныя, безъ всякихъ порывовъ, торговцы и кораблестроители, живущіе богато и съ чрезвычайною опрятностью,—ну и Богъ съ ними: все же далеко они не пойдутъ; это непременно выйдетъ средина, которая ничѣмъ не сослужитъ человѣчеству; этой энергіи въ нихъ нѣтъ, великаго самомнѣнія этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этихъ шевелящихся китовъ подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ всѣ великіе народы. Вѣра въ то, что

хочешь и можешь сказать послѣднее слово міру, что обновишь наконецъ его избыткомъ живой силы своей, вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей любви и жажды служенія челоуѣчеству,—нѣтъ, такая вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй, и только ею онѣ и приносятъ всю ту пользу челоуѣчеству, которую предназначено имъ принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено имъ самой природой въ наслѣдство грядущему челоуѣчеству. (522, 523.)

Чтобы судить о нравственной силѣ народа и о томъ, къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя бы въ большинствѣ своемъ, можетъ унижаться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда прійдетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и преходящихъ: отъ рабства, отъ вѣковаго гнета, отъ загроубѣлости; а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ, родившійся вмѣстѣ съ народами и тѣмъ болѣе чтимый, если и въ продолженіи вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все-таки уцѣлѣветъ неповрежденный въ сердцѣ этого народа. (Стр. 520.) Словомъ, судить о нравственной силѣ народа можно только по тѣмъ его нравственнымъ идеаламъ, носителемъ которыхъ онъ является. Общественныхъ, гражданскихъ идеаловъ, какъ такихъ, какъ не связанныхъ органически съ идеалами нравственности, а существующихъ сами по себѣ въ видѣ отдѣльной половинки, откромсанной отъ цѣлаго, какъ такихъ, наконецъ, которые могутъ быть взяты извнѣ и пересажены на какое угодно новое мѣсто съ успѣхомъ въ видѣ отдѣльнаго «учрежденія», такихъ идеаловъ, говорю я,—нѣтъ вовсе, не существовало никогда, да и не можетъ

· существовать! Да и что такое общественный идеаль, какъ понимать это слово? Конечно, суть его въ стремленіи людей отыскать себѣ формулу собственнаго устройства, по возможности безошибочную и всѣхъ удовлетворяющую,—вѣдь такъ? Но формулы этой люди не знаютъ, люди ищутъ ее всѣ шесть тысячъ лѣтъ своего историческаго періода—и не могутъ найти. Муравей знаетъ формулу своего муравейника, пчела—тоже своего улья (хоть не знаютъ по-человѣчески, такъ знаютъ по своему, имъ больше не надо); но человѣкъ не знаетъ своей формулы. Откуда же, коли такъ, взяться идеалу гражданскаго общественнаго устройства въ обществѣ человѣческомъ? А слѣдите исторически—и тотчасъ увидите, изъ чего онъ берется. Увидите, что онъ есть единственно только продуктъ нравственнаго самосовершенствованія единицъ, съ него и начинается, и что было такъ споконъ-вѣка и пребудетъ во вѣки вѣковъ. При началѣ всякаго народа, всякой національности идея нравственная всегда предшествовала зарожденію національности, *ибо она же и создала ее*. Исходила же эта нравственная идея всегда изъ идей мистическихъ, изъ убѣжденій, что человѣкъ вѣченъ, что онъ не простое земное животное, а связанъ съ другими мірами и съ вѣчностью. Эти убѣжденія формулировались всегда и вездѣ въ религію, въ исповѣданіе новой идеи, и всегда, какъ только начиналась новая религія, такъ тотчасъ же и создавалась граждански новая національность. (189.) Кстати вспомнимъ, что такое и чѣмъ такимъ стремилась быть древняя Христіанская Церковь? Началась она сейчасъ же послѣ Христа всего съ нѣсколькихъ человѣкъ и тотчасъ чуть ни въ первые дни послѣ Христа устремилась отыскивать свою «гражданскую формулу», всю основанную на нравственной надеждѣ утоленія духа по началамъ личнаго совершенствованія. Начались христіанскія об-

щины—Церкви, затѣмъ быстро начала созидаться новая, неслыханная дотолѣ національность—всебратская, всечеловѣческая, въ формѣ общей вселенской Церкви. Но она была гонима, идеаль созидался подѣ землею, а надѣ нимъ, поверхъ земли тоже созидалось огромное зданіе, громадный муравейникъ—древняя Римская Имперія, тоже являвшаяся какъ бы идеаломъ и исходомъ нравственныхъ стремленій всего древняго міра: являлся человѣкобогъ, Имперія сама воплощалась, какъ религіозная идея, дающая въ себѣ и собою исходъ всѣмъ нравственнымъ стремленіямъ древняго міра. Но муравейникъ не заключился: онъ былъ подкопанъ Церковью. Произошло столкновение двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ. Человѣкъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій—Христа. Явился компромиссъ: Имперія приняла христіанство, а Церковь—римское право и государство. Малая часть Церкви ушла въ пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христіанскія общины, потомъ монастыри—все только лишь пробы, даже до нашихъ дней. (791—792.)

Взгляните на евреевъ и мусульманъ: національность евреевъ сложилась только послѣ закона Моисеева, хотя и началась еще изъ закона Авраамова, а національности мусульманскія явились только послѣ корана. Чтобъ сохранить полученную духовную драгоцѣнность, тотчасъ же и влекутся другъ къ другу люди, и тогда только ревностно и тревожно, «работою другъ подѣ друга, другъ для друга и другъ съ другомъ», тогда только и начинаютъ отыскивать люди, какъ бы имъ такъ устроиться, чтобы сохранить полученную драгоцѣнность, не потерявъ изъ нея ничего, какъ бы отыскать такую гражданскую форму совмѣстнаго житія, которая именно помогла бы имъ выдвинуть на весь міръ, въ самой полной ея славлѣ ту нравственную драгоцѣнность, которую они получили. И

замѣтите, какъ только, послѣ времянь и вѣковъ (потому что тутъ тоже свой законъ, намъ невѣдомый), начиналъ распатываться и ослабѣвать въ данной національности ея идеаль духовный,—такъ тотчасъ же начинала падать и національность, а вмѣстѣ падалъ и весь ея гражданскій уставъ и померкали всѣ тѣ гражданскіе идеалы, которые успѣвали въ ней сложиться. Въ какомъ характерѣ слагалась въ народѣ религія,—въ такомъ характерѣ зарождались и формулировались и гражданскія формы этого народа. Стало быть, гражданскіе идеалы всегда прямо и органически связаны съ идеалами нравственными, а главное то, что несомнѣнно изъ нихъ однихъ только и выходятъ. Сами же по себѣ никогда не являются, ибо, являясь, имѣютъ лишь цѣлю утоленіе нравственнаго стремленія данной національности, какъ и поскольку это нравственное стремленіе въ ней сложилось. А стало быть, «самосовершенствованіе въ духѣ религіозномъ» въ жизни народовъ есть основаніе всему, ибо самосовершенствованіе и есть *исповѣданіе пслученной религии*, а гражданскіе идеалы сами, безъ этого стремленія къ самосовершенствованію, никогда не приходятъ, да и зародиться не могутъ (788—789.)

Великая нравственная мысль тѣмъ и сильна, тѣмъ-то и единить людей въ крѣпчайшій союзъ, что измѣряется она не немедленной пользой, а стремить ихъ въ будущее къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости абсолютной. Чѣмъ соедините вы людей для достиженія вашихъ гражданскихъ цѣлей, если нѣтъ у васъ основы въ первоначальной великой идеѣ нравственной? А нравственныя идеи только однѣ всѣ основаны на идеѣ личнаго абсолютнаго самосовершенствованія впереди, въ идеаль, ибо оно несетъ въ себѣ все, всѣ стремленія, всѣ жажды, а стало быть—изъ него же исходятъ всѣ ваши «гражданскіе идеалы». Итакъ не «начало только всему» есть личное са-